

ЖАЖДА СПЛОЧЕНИЯ

Она живет в душах людей так же глубоко и неодолимо, как в рыбах, сливающихся в косяк, птицах, выстраивающихся в стаю, оленях, антилопах, зебрах, огромными стадами пересекающих снежные и степные пространства, пингвинах, сжавшихся в многосотенный живой круг под ветром Антарктики.

Вот бурная демонстрация, течет по улице под морем плакатов и знамен.

Концертный зал, заполненный вопящими и раскачивающимися зрителями, вторящими своим кумирам с гитарами на сцене.

Горящие глаза телевизионной аудитории, собравшейся послушать откровения новомодного проповедника.

Длинные ряды лбов, упершихся в пол мечети, и задранных к Аллаху задов.

Миллион паломников на площади перед собором Святого Петра в Ватикане.

Рев стадиона, встречающего воплями болельщиков забитый гол.

Церковный хор, славящий Господа и дар жизни.

Карнавалы процессии в Рио-де-Жанейро, Новом Орлеане, Нью-Йорке, Кёльне.

Кавалькады мотоциклистов-байкеров, с серьезными лицами разъезжающих по американским шоссе без всякой видимой цели, совершая ритуальное служение культу сплочения.

Какое это счастье — вырваться из тюрьмы своего одиночества, слиться с тысячами единомышленников, единоверцев, просто соплеменников!

Жажда сплочения может довести толпу до самоубийственного экстаза. Вспомнить только трагедию на Ходынском поле (1896), или всех погибших в давке на похоронах Сталина (1953), или те истории, когда спортивные болельщики обрушивают трибуны и гибнут под развалинами. На ежегодном поклонении в Мекке (хадж) в давке гибнут десятки, если не сотни паломников чуть не каждый год.

Вся история мировой цивилизации может быть представлена как цепь расширяющихся слияний. Сначала возникла семья, семьи сливались в роды, кланы, фратрии (у греков), курии (у римлян). Затем несколько фратрий образовывали филу, несколько курий — трибу. Венчало этот процесс возникновение племени, а союз племен создавал фундамент для того, что мы сегодня именуем государством.

«В сплоченности — сила». Эту истину люди знали и исповедовали с начала веков. Слаженные усилия строителей каналов и пирамид, непобедимость греческой фалан-

Игорь Маркович Ефимов родился в 1937 году в Москве. Писатель, философ, издатель. Эмигрировал в 1978 году, живет в США, в Пенсильвании. Автор двенадцати романов, среди которых «Зрелища», «Архивы Страшного суда», «Седьмая жена», «Пелагий Британец», «Суд да дело», «Новгородский толмач», «Неверная», «Обвиняемый», а также философских трудов «Практическая метафизика», «Метаполитика», «Стыдная тайна неравенства», «Грядущий Аттила» и книг о русских писателях: «Бремя добра» и «Двойные портреты». В 1981 году основал издательство «Эрмитаж», которое за 27 лет существования выпустило 250 книг на русском и английском языках. Преподавал в университетах США и выступал с лекциями о русской истории и литературе.

ги или римской когорты, стойкость наполеоновских каре, сокрушительные атаки казачьей конной лавы, грозная вереница многопушечных фрегатов символизируют в нашем сознании важность и победную эффективность высоких уровней сплоченности. Но эти уровни так часто достигаются внешними приемами — строевой муштрой, трудовой дисциплиной, угрозой наказаний, лишением пайка, — что мы склонны забывать — не замечать — внутреннего импульса человека к сплоченности и солидарности с другими.

Между тем импульс этот обладает необычайной силой. Жажда свободного самоутверждения и жажда сплочения вечно противостоят друг другу в душе человека. Чтобы вступить в тесный союз с единоверцами, соплеменниками, идейными соратниками, я должен отказаться от многих дорогих мне свобод. И наоборот, следуя порыву к реализации индивидуальной свободы, я навлекаю на себя гнев и отчуждение тех, кто ждет от меня подчинения клановым правилам и нормам.

Неужели нет выхода из этой вечной дилеммы?

Оказывается, есть. Если жизнь столкнет меня с каким-то союзом людей, не получившим еще одобрения моего клана, рода, государства, мое присоединение к нему, грозящее мне всякими карами, будет переживаться мною как акт свободного самоутверждения.

Здесь, мне кажется, таится разгадка самого болезненного феномена наших дней — стремительно растущей мощи исламского терроризма. Человек, устремляющийся под черные знамена Нового Халифата, утоляет одновременно все три главных порыва человеческой души: к самоутверждению, к слиянию, к бессмертию. Но то же самое происходило во многих других эпизодах мировой истории. Сражаться за независимость американских штатов в конце XVIII века примчались француз Лафайет, немец Фон Штойбен, поляк Костюшко, британец Томас Пэйн и множество других европейцев. Долгая борьба славян против турок в XIX веке привлекала на Балканы тысячи энтузиастов от лорда Байрона до русского генерала Черняева, уехавшего воевать за сербов в начале 1870-х, вопреки запрету царского двора. В испанской гражданской войне 1936—1939 годов республиканское правительство смогло сформировать интернациональные бригады из приехавших в страну антифашистов. Сегодня в вооруженных подразделениях Донбасса можно увидеть не только добровольцев из России, но также кавказцев, прибалтов, казахов, даже испанцев и чилийцев.

Счастье слияния остро переживал и ярко описал Маяковский:

Партия — это миллионов плечи,
друг к другу прижатые туго...
...Если в партию сгрудились малые —
сдайся, враг, замри и ляг!
Партия — это рука миллионопалая,
Сжатая в один громящий кулак...
Я счастлив, что я этой силы частица,
Что общие даже слезы из глаз.
Сильнее и чище нельзя причаститься
Великому чувству по имени — класс!¹

Заметим, что для полноты этих чувств поэту необходимо наличие врага, на которого обрушится «миллионопалый кулак».

¹ Маяковский В. В. Избранные произведения. М.: Детская литература, 1967. с. 318.

Жажда слияния давала энергию многим массовым перемещениям народов в мировой истории. Исход евреев из Египта — просто первый из известных нам эпизодов. Английские пуритане в начале XVII века увидели Землю обетованную за Атлантическим океаном и смогли так сплотиться, что успешно обосновались в Массачусетсе. Следуя их примеру, в следующем веке баптисты выбрали на ту же роль Пенсильванию. До своей Обетованной земли мормоны должны были покрыть в 1840-е 1700 километров от штата Нью-Йорк до Соленого озера в Юте. Для российских духовоборов Землей обетованной оказалась Канада. Джим Джонс уговорил своих последователей переехать из «прогнившей» Америки в девственные джунгли Гайаны (1970-е).

И в прошлом, и в настоящем у всех народов с необычайной легкостью возникали — там, где власти это позволяли, — религиозные и псевдорелигиозные культы. На первый взгляд это явление опровергает тезис об универсальности жажды самоутверждения. Ведь человек, вступающий в культ, должен отказаться от многих свобод, полностью подчиниться воле лидера культа. В действительности же сам акт свободного отказа от всех прав может переживаться неопитом как апофеоз свободного волеизъявления. Недаром в индуизме так часто всплывает тезис: «Самое высокое свершение — победить собственную волю, перестать *хотеть*, достичь нирваны».

Конечно, может наступить момент, когда человек пожалеет о сделанном выборе и попытается вырваться из наложенной им на себя неволи. Именно поэтому религиозные культы так яростно преследуют и карают отступников. Все, кому удалось покинуть Церковь сайентологии, рассказывают, какие опасности и препятствия пришлось преодолевать, какое давление было оказано на них. Недавно всплыла трагическая история о молодом человеке, вступившем в маленький культ в Коннектикуте и вскоре забитом до смерти своими единоверцами за отказ каяться по их правилам. Подобным же образом запрет выезда за границу — неизменная черта любого тоталитарного государства, от древней Спарты и средневековой Японии до Кубы и Северной Кореи наших дней.

Власть лидера культа над своими последователями может превзойти даже власть абсолютного тирана над подданными. Сталин мог безнаказанно убить любого жителя СССР, но даже он не мог бы заставить его отравлять собственных детей перед смертью, как это сделал Джим Джонс.

Если страсть к самоутверждению может привести человека на путь *индивидуальных* преступлений, то страсть к сплочению скорее подтолкнет его к добровольному вступлению в банду, уличную шайку, мафиозный клан. Тому, кто равнодушен к политическим или религиозным идеям и схваткам, нет нужды отправляться в далекие и опасные путешествия, чтобы слиться там с той или иной армией сражающихся. В соседнем квартале или даже в собственном жилом комплексе он легко найдет местного главаря, атамана, босса, который объяснит ему, что нужно сделать. Да, потребуется в качестве «вступительного взноса», инициации, ограбить кого-то или даже убить или хотя бы сбить с ног ударом кулака случайного прохожего. Да, ты вступаешь на всю жизнь, измена карается смертью (традиционная формула: «Кровь на входе, кровь на выходе»). Но какое волшебное сознание силы и грозности ты получаешь взамен, каким почтительным страхом соседей и знакомых ты будешь окружен! Напрашивается вариант Декартовой формулы: «Пу гаю — значит существую!»

Вступление в религиозный культ или уличную банду подразумевает разрыв с привычным жизненным укладом. Но мечта о слиянии утоляется гораздо легче, если во всей стране произойдут политические перемены, нацеленные на полное подчинение человека государству. Тоталитарный деспотизм идеально утоляет жажду человека к сплочению, среди «счастливых» подданных должно царить полное еди-

нодушие. Тяга к бессмертию тоже получает некоторое утолнение: каждый человек ощущает себя частицей того, что было до него и пребудет после.

Ну, а как же утолить страсть к самоутверждению? Универсальным приемом тоталитаризма является война. Если же внешняя война по каким-то причинам (силенок маловато) невозможна, тогда в государстве начинается внутренний террор по отношению к какому-то религиозному, национальному или социальному меньшинству.

Сжигание еретиков было любимым развлечением средневековой Европы, старушка, подложившая ветку в костер Яна Гуса, явно видела в этом акт самоутверждения.

По свидетельству историков, вся Испания ликовала, когда в 1492 году из нее изгнали евреев, а в 1609-м — морисков.

И французские католики были в восторге, когда Людовик Четырнадцатый начал изгонять и казнить гугенотов (1685).

Парижские «вязальщицы» сходились на площадь, как в театр, чтобы любоваться работой гильотины (1790—1794).

Избиение армян в Турции (1915) до сих пор не признается в этой стране преступлением геноцида.

Погромы еврейских магазинов и синагог в гитлеровской Германии вызывали открытый энтузиазм у рядовых немцев (1930-е).

Всякий деревенский босяк и бездельник в сталинской России с удовольствием участвовал в «раскулачивании», а когда террор перекинулся на «шпионов, вредителей, космополитов, убийц в белых халатах», городской обыватель, глядя вслед «черной Марусе», увозящей очередную жертву в подвалы НКВД, ронял со злорадством и торжеством: «Там разберутся!» (1949—1953).

И конечно, хунвэйбины, забивающие палками учителей, журналистов, профессоров и других интеллигентов, видели в этом великолепную возможность потешить свою страсть к самоутверждению, одновременно сливаясь «с великим народом, строящим коммунизм» (1960-е).

Вспышки внутреннего террора в мировой истории, как правило, принято связывать с именем деспота, находившегося в тот момент у власти: Сулла, Нерон, Домициан, Филипп Красивый Французский, Торквемада, Иван Грозный, Бирон и так далее. Но думается, что ни один из них не мог бы осуществлять свои злодеяния без молчаливого — а порой и громогласного — «Смерть шпионам! Размозжим головы!» — сочувствия и соучастия народных масс. Даже те, в ком еще звучал голос сострадания, глушили его, интерпретируя происходившее как некие неизбежные человеческие жертвоприношения на алтарь всеобщего единства.

Люди, пережившие сталинские и хрущевские времена, помнят, с каким подозрением и недоброжелательством прохожие на улицах относились к попыткам отличиться от толпы хотя бы в одежде, прическах, косметике. В СССР позорили так называемых «стиляг», за слишком узкие брюки и иностранный шарфик дружинники могли отвести в милицию. В маоистском Китае девушкам могли прямо на улице отрезать косы, если они превосходили положенную длину. Сегодняшнему лидеру Северной Кореи мало того, что весь народ одет в такие же черные френчи, как у него. Недавно он потребовал, чтобы мужчины подражали ему и в прическе, состригая волосы с висков.

Равенство, единообразие, сплоченность были гораздо легче достижимы на племенной ступени цивилизации. Но с возникновением государства совместное существование людей усложнилось десятикратно. Разделение обязанностей приводило к тому, что кто-то должен был трудиться на полях и стройках, кто-то — распоряжаться работами и распределением продукта труда, кто-то — повелевать, судить и отражать внешних врагов, кто-то — познавать мироздание и хранить накоплен-

ную информацию. неизбежно возникало неравенство, а вместе с ним и мучительный вопрос: «Почему ты наверху, а я — внизу? Почему не наоборот?»

Почти во всех земледельческих империях проблема эта была решена путем разбивки населения на сословия и касты. Рабы, плебеи, всадники, патриции, сенаторы в Древнем Риме; неприкасаемые, шудры, кшатрии, брахманы в Индии; крепостные, вольные горожане, дворяне, духовенство — в Европе и России. Человеку легче было смириться со своим положением на нижних ступенях государственной пирамиды, когда ему внушалось, что он предопределен к нему самим фактом рождения в нижнем сословии. Пути перехода в более высокие слои за счет собственных талантов и энергии всячески затруднялись, порой перекрывались наглухо.

Однако там и тут возникали национальные образования, которые отказывались от кастовой системы, давали каждому человеку возможность проявить себя на том поприще и в той мере, которые соответствовали его природной одаренности. Такие образования очень скоро достигали невероятных успехов в экономической и военной сферах. Маленькая Финикийская республика господствовала в Восточном Средиземноморье, сумела отразить непобедимого вавилонского царя Навуходоносора (VI век до Р. Х.), создала могучий Карфаген. Афинская республика отразила нашествие огромной армии персов, рассыпала свои процветающие колонии по берегам Эгейского и Черного морей (V—IV века до Р. Х.). И в средние века мощь и процветание таких республик, как Флорентийская, Генуэзская, Венецианская, Новгородская, показывали всему миру, что сплоченности можно добиться и не подавляя страсти человека к самоутверждению.

Уникальный вариант победной сплоченности демонстрируют нам три тысячи лет истории иудеев. Многократно изгоняемые из мест проживания, они ухитрились сохранять цельность своего племени исключительно религиозными и языковыми скрепами. Вражда антисемитов к ним часто была окрашена чертами зависти. Казалось бы: как можно завидовать бедным и бесправным евреям, запертым в гетто или за чертой оседлости? Завидовали именно их феноменальной сплоченности, преданности друг другу, готовности помогать, спасать, утешать, лечить. Когда зависть делалась нестерпимой, евреев изгоняли. Гитлеру было нетрудно раздуть миф о мировом еврейском заговоре: именно так их сплоченность могла быть интерпретирована в сознании простонародья.

Инструментом сплочения племени была устная речь. Возникновение земледельческого государства повсюду сопровождалось появлением нового средства коммуникаций — письменности. Теперь писанные своды законов и летописи могли связывать в единое целое не только всех живущих, но также и разные поколения. Предпосылкой индустриальной эры можно считать скачкообразное расширение информационного обмена, внесенное изобретением печатного станка. Все европейские революции, все политические и религиозные движения XVII—XIX веков были бы немыслимы без газет, журналов, памфлетов, листовок, распространявшихся многотысячными тиражами. Наконец, в XX веке технический прогресс одарил нас обоюдоострым инструментом сплочения, способным преодолевать огромные расстояния и вовлекать миллионы — радиотрансляцией и кинохроникой.

Попробуем взглянуть в то, как этим инструментом воспользовались три страны, начавшие Вторую мировую войну: Германия, Япония, Россия (Италия во многом копировала немецкий опыт, поэтому ее можно для краткости исключить пока). Каждая из них была выстроена на идеологическом фундаменте, сильно отличавшемся от двух других, но каждая объявляла своей великой целью достижение нового порядка, мира и процветания на всей планете. Рескрипт японского правитель-

ства, сопровождавший подписание союза с Германией в 1940 году, содержал такие формулировки:

«Утвердить нашу великую правоту на всей земле и превратить мир в единую семью является огромным свершением, исполнение которого завещано нам имперскими предками и к которому мы стремимся всем сердцем денно и ночью. Сокрушительный кризис, обрушившийся сегодня на человечество, грозит бесконечным расширением войны и смятения. Поэтому мы страстно надеемся, что конфликты утихнут и мирное сосуществование воцарится в ближайшее время... Задача предоставить каждой нации ее законное место и всем людям жить в мире и безопасности имеет огромную важность. Она беспрецедентна в истории. Но до достижения ее еще далеко»².

Врагами мира и процветания объявлялись те страны, в которых к власти провались силы, ставившие корысть и наживу выше всего. В терминологии гитлеровской идеологии эти силы идентифицировались с заговором мирового еврейства. Японская пропаганда неустанно прославляла торжество духовного начала над материальным и именно это обещала насадить в покоряемых странах. Сталинский режим провозглашал неизбежную победу марксизма-ленинизма и полное уничтожение эксплуататорских классов. Но все эти различия идейных позиций не мешали агрессорам выступать в тесном союзе в первые годы войны.

В 1930-е нацистские идеи находили горячий отклик в миллионах сердец не только внутри Германии, но и за ее пределами. Одних привлекал в ней яростный антикоммунизм. Других — призывы защищать права трудового народа. Третьих — взваливание вины за Первую мировую войну на мировой капитализм, призывы к социалистическим переменам. Но главным было то, что каждый немец, припавший к своему радиоприемнику и вслушивавшийся в страстные тирады Гитлера или Геббельса, мог испытать счастливое чувство слияния с миллионами соплеменников.

Так вышло, что в начале 1970-х судьба свела меня в Москве с убежденным русским националистом. Однажды листая американский журнал, лежавший на моем столе, он дошел до рецензии на историческую книгу о Германии, в которой была напечатана фотография: ряды гитлерюгенда, замершие на стадионе с поднятой в салюте рукой. Глаза моего собеседника увлажнились, и он сказал: «Какая была эпоха! Какое единодушие, какой энтузиазм!» И такие же восторги по поводу народного единодушия выражал сорок лет спустя другой русский националист, писатель Проханов, вернувшийся из поездки в Северную Корею и умилявшийся там на демонстрации на улицах Пхеньяна.

Когда Гитлер отдал приказ о вторжении в Польшу в сентябре 1939 года, большинство его генералов считали это безумием. В тот момент соединенные силы противостоявших Германии европейских стран настолько превосходили силы вермахта и люфтваффе, что если бы они в том же сентябре ударили с запада, поражение было бы неминуемым. Однако Франция и Великобритания ограничились формальным объявлением войны и дали немцам разгромить поляков за три недели.

Дело было в том, что за шесть лет нахождения у власти темный гений Гитлер не только наращивал производство танков, самолетов, подводных лодок. Он ковал оружие, которого не было у англичан, французов, поляков, чехов, которое не могли оценить его генералы. Пока Франция строила оборонительную линию Ма-

² Benedict, Ruth. *The Chrysanthemum and the Sword. Patterns of Japanese Culture*. Boston: Houghton Mifflin Co., 1948. p. 44.

жино, Лондон изощрялся в дипломатических ходах, машина нацистской пропаганды день за днем цементировала невидимые бастионы сплоченности немецкого народа.

Ни один голос протеста или хотя бы сомнения не должен был прорваться через выстраивавшуюся стену. Политические партии запрещались, «неправильные» книги сжигались, газеты и журналы закрывались. Главные нарушители единства — интеллектуалы всех мастей — изгонялись, исчезали в лагерях, в страхе толпами покидали страну. Бывший соратник Рэм и его штурмовики были физически уничтожены, коммунисты уходили в подполье. Факельные шествия, показательные суды, разгром еврейских лавок и синагог, спортивные победы арийских атлетов заполняли кадры кинохроники. Речи нацистских лидеров по радио перемежались воинственной музыкой Вагнера и Бетховена или военными маршами.

Мир был ошеломлен немецкими победами 1940 года. Не сердить, не провоцировать Германию стало лейтмотивом в речах многих политических лидеров еще не покоренных стран. Испания, Швейцария, Швеция, США строго придерживались нейтралитета. Прогерманские правительства без труда удалось сформировать в вишистской Франции, в Норвегии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Словакии. Военные победы выглядели самым убедительным доказательством политической и идейной правоты, толкали многие народы следовать примеру Германии.

Историки, изучающие сегодня Европу 1930—1945 годов, ищут причины победоносного шествия гитлеризма в традиционной немецкой воинственности, в мировом экономическом кризисе, в несправедливых условиях Версальского мирного договора (1919), погрузившего Германию в унизительную нищету и бесправие. Но они забывают, что в те же самые годы на другом конце света страна с совершенно другими традициями и другой исторической судьбой демонстрировала точно такую же необъяснимую и победную военную агрессивность. Японская экспансия даже не возглавлялась одним полновластным лидером, гениальности которого можно было бы приписать десятикратное расширение территории Империи восходящего солнца.

Есть ли у нас сегодня возможность приблизиться к «решению японской загадки»?

До 1945 года страна эта была настолько закрытой для объективного изучения, что политический анализ происходивших в ней изменений был почти невозможен. Лишь после капитуляции западный мир стал осознавать, насколько его ценности и традиции были отличны от японских. Одним из первых появилось на свет исследование американки Руфи Бенедикт, которая сумела взглянуться в характер островной нации непредвзято.

Главная разница, обнаруженная ею: если американец боготворит равенство и свободу, японец так же боготворит иерархию и сплоченность. Для него самое страшное — «потерять лицо», нарушить принятые формы поведения. Он должен точно знать, какое место ему отведено на ступеньках иерархической лестницы, кто из окружающих выше него, а кто — ниже, какими поклонами и оттенками вежливости следует демонстрировать правильное осознание своего места.

На войне предельным случаем «потери лица» считалась сдача в плен. Японского солдата даже не инструктировали, как он должен вести себя в плену, — настолько подобная возможность исключилась. Он должен был сражаться до последнего патрона, а потом взорвать себя последней гранатой, предпочтительно — вместе с врагами, неосмотрительно приблизившимися к нему. В плену оказывались лишь тяжелораненые или потерявшие сознание.

Японцев изумляло, что американцы и британцы, попавшие к ним в плен, не считали себя опозоренными до конца дней, не осознавали себя безнадежно утратившими уважение своей страны, просили сообщать данные о себе их родным. Они были даже способны смеяться! Смех в лагерях для военнопленных считался серьезным нарушением дисциплины, карался сурово.

Сострадание, готовность помочь, бескорыстная поддержка попавших в беду не считались у японцев добродетелями, не ценились. По их представлениям, оказывая услуги своим ближним, ты накладывал на них обязанность благодарности, что считалось тяжким бременем и обозначалось словом *он*, имевшим множество оттенков. Даже продавец в лавке, благодаря посетителя за покупку, мог использовать оборот: «Я пристыжен на всю жизнь»³.

Американец может с гордостью сказать: «Я никому ничем не обязан». Японец же живет в состоянии вечной задолженности: родителям, учителям, вскормившей его нации. Место религии в Японии занимает шинтеизм — религиозное поклонение всему, что связывает народ воедино, его преподают в школах.

Пренебрежение к состраданию оборачивалось почти полным отсутствием полевых госпиталей во время войны. Раненый солдат считался просто «подпорченным» солдатом и должен был заботиться сам о себе. Американский военнопленный в лагере мог рассчитывать на медицинскую помощь от пленного врача в своем бараке, а японская охрана практически была лишена доступа к профессиональным медикам. Если боевые действия приближались к японскому тыловому госпиталю и захват его делался неизбежным, раненых не эвакуировали, а пристреливали или давали оружие, чтобы они могли покончить с собой.

Так же мало ценилась честность, особенно в пропаганде и международных отношениях. И нападение на Порт-Артур (1904), и захват Маньчжурии (1934), и атака на Пёрл-Харбор (1941) были совершены без предупреждения. Любые новости с театра военных действий представлялись как победы или умелое маневрирование. У нас нет возможности проверить цифры потерь японского флота в Цусимском бою (1904), но утверждать, что в трехдневном сражении с мощной русской эскадрой были потеряны всего несколько торпедных катеров, могут только люди, которым позволено врать беспардонно и безоглядно. В конце августа 1945 года население Японии еще не знало о том, что произошло в Хиросиме и Нагасаки (6 и 9 августа), и о том, что война проиграна⁴.

Строгая иерархия соблюдалась не только в общественной, но и в семейной жизни. «Жена кланяется мужу, ребенок кланяется отцу, младшие братья кланяются старшим, сестра кланяется всем братьям независимо от возраста... Родители могут устраивать и расторгать браки своих детей, даже если те уже достигли 30-40-летнего возраста. Отцу — главе семейства — первому подают еду за столом, он первым опускается в семейную ванну, ему кланяются все члены семьи»⁵. Общество, учредившее у себя строгую дисциплину, беспрекословное подчинение нижестоящих вышестоящим, есть, по сути, армия всегда готовая к походу. Мало того, что японцы считали такой порядок человеческих отношений наилучшим. Они изумлялись тому, что покоренные народы не выражают благодарности за упорядочение их жизни, проявляют явную враждебность. В невообразимой жестокости, с которой оккупационные японские войска обращались с местным населением в Корее, Маньчжурии, Китае, Малайзии, Индонезии, Филиппинах, проявлялось не только

³ Ibid., p. 106.

⁴ Busch, Noel F. Japan. History (New York: American Heritage Co., 1972), p. 170.

⁵ Benedict, op. cit., p. 48, 52.

их традиционное презрение к состраданию, но и мстительность. «Не умеете ценить нас?! Так мы вам покажем!»

На примере Японии мы ясно видим, что воинственный тоталитаризм может быть создан без аппарата принуждения, без тайной полиции, лагерей, внутреннего террора. Народ добровольно предпочел счастье сплоченности счастью свободно-го самоутверждения и превратился в могучую военную силу, с которой удалось совладать только ценой огромных усилий и потерь.

Сталинский тоталитаризм имел совершенно другую природу. Он не искал опоры в народных верованиях и традициях, всюду предпочитал действовать страхом и грубой силой. В Германии и Японии революционный переход в индустриальную эру произошел без гражданской войны, поэтому в них уцелело много людей с образованием, энергией, целеустремленностью, верой в традиции. В России же Гражданская война 1918–1921 годов, последовавшая эмиграция побежденных и волны террора практически уничтожили тех, для кого свободное самоутверждение было дороже всего остального. Оставалась народная масса, способная ценить только счастье сплочения, и эту потребность сталинский режим был готов удовлетворять любыми доступными средствами.

Во многом эти средства и методы повторяли то, что делал Гитлер в Германии. Недаром режиссеру Ромму удалось сделать документальный фильм «Обыкновенный фашизм» (1965), в котором культурные россияне брежневской поры видели скрытое разоблачение сталинщины. Военные парады, оглушительная пропаганда по радио и в газетах, шествия физкультурников, бравурные марши, трудовые победы в кадрах кинохроники. Но было одно свойство, которое в Сталине развилось сильнее, чем в немецком фюрере, — звериный инстинкт самосохранения.

Он неплохо знал русскую историю и помнил, сколько русских правителей были лишены власти или даже убиты собственными военными. Свержение царевны Софьи стрельцами (1689), стрелецкие бунты, чуть не погубившие Петра Первого (1698), убийство гвардейцами Петра Третьего (1762), а потом и Павла Первого (1801), восстание декабристов (1825). По сути, и свержение Николая Второго в феврале 1917 года было осуществлено девятью главнокомандующими фронтами в его собственной армии, которые отказались защищать трон от революции. Недаром для прославления в кинематографе и литературе Сталин выбрал тех российских владык, которые безжалостно расправлялись с военными: Ивана Грозного, пославшего своих опричников убивать бояр, и Петра Первого, не брезговавшего отрубать головы стрельцам собственноручно. (Оба, кстати, сыноубийцы.)

Нельзя также исключать возможность того, что внедренные Сталиным в армию политкомиссары состязались в сочинении доносов на своих командиров, приписывая им заговоры и планы измены, чему он охотно верил. В какой-то мере это могло послужить мотивом для того беспрецедентного избиения командного состава Красной армии, которое он устроил в 1937–1938 годах. Роберт Конквест, пользуясь данными советской печати, в своей книге «Большой террор» приводит цифры погибших: маршалы — трое из пяти; командующие армиями — 13 из 15; адмиралы — восемь из девяти; корпусные командиры — 50 из 57; командиры дивизий — 154 из 186⁶. Обезглавленная Красная армия была так ослаблена, что, при огромном численном и техническом перевесе, не смогла нанести решительного поражения финнам в кампании 1939–1940 годов, и Сталин был вынужден удовлетвориться небольшими территориальными приобретениями. Зато от покушений

⁶ Conquest, Robert. The Great Terror. New York: Oxford University Press, 1990, p. 450.

на себя он застраховался надежно. Встретившись с Гитлером в аду, сможет сказать ему: «Не последовал моему примеру, не провел чистку в армии, вот и поплатился: чуть не погиб от рук собственных генералов летом 1944-го».

Некоторые историки высказывали предположение, что именно слабость, проявленная Советским Союзом в финской войне, спровоцировала Гитлера на вторжение в июне 1941 года. И в первые месяцы его расчеты подтверждались. Красная армия стремительно откатывалась под ударами вермахта, немецкая авиация захватила полное господство в воздухе. Несмотря на то, что сдача в плен была объявлена преступлением, красноармейцы сдавались толпами, немцы не знали, что им делать с таким количеством военнопленных.

Но в сентябре—октябре победное наступление начало буксовать. Растянувшиеся коммуникации не позволяли снабжать армию в достаточной мере, ранние холода, при нехватке зимнего обмундирования, превратились в серьезное препятствие, танки застревали в сугробах. А главное — начал меняться дух русских солдат. То, что не удалось Сталину — сплотить народ в единое целое, — сделал за него Гитлер. Произошло то же самое, что имело место при вторжении Наполеона, про что писал Толстой в «Войне и мире»: «Дубина народной войны поднялась со всей своей грозной и величественной силой и принялась гвоздить вторгшегося врага...»⁷

Каким чудом Советский Союз, потеряв половину европейской территории, на перевезенных в тыл заводах, отправив на фронт миллионы трудоспособных мужчин, смог в 1942 году удвоить и утроить выпуск танков, самолетов, пушек, снарядов? Этому феномену нельзя найти никакого объяснения в чисто экономических категориях, не включая наше расплывчатое понятие — *сплочение*. Песенный клич-призыв «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой» вдруг перестал быть просто пропагандой, он доставал до глубины сердец. Стойкость русских, выдержавших натиск военной машины, подмявшей под себя всю Европу, восхищала британцев и американцев. Тем более что и в их странах стремительный процесс национального сплочения перед лицом вторгшегося врага тоже преобразил национальное сознание, заглушил голоса пацифистов, дал силы сражаться и побеждать.

После разгрома Германии мир распался на два лагеря: свободной демократии и коммунистического тоталитаризма. Анализ и описание этого противоборства находится в руках политологов, историков, социологов, то есть людей образованного слоя, которые в подавляющем большинстве выбирают счастье самоутверждения, а к счастью сплочения относятся с высокомерным пренебрежением. Интеллектуал будет применять свое искусство «словесной виртуозности» (термин американского философа Тома Суэлла), чтобы объяснять невероятные успехи коммунизма во второй половине XX века исключительно применением обмана и грубой силы.

На самом деле идеи коммунизма манят к себе миллионы людей именно потому, что в них заложена мечта о небывалом сплочении, которое может принести освобождение от частной собственности. Эта мечта звучит и в проповеди Христа, и в устройстве монастырей, и всевозможных коммун, и в израильских кибуцах. Владеть чем-то, чего не имеет мой ближний, всегда смутно ощущается как грех, проклятия богачам неслись и будут нестись из уст проповедников всех времен и народов. То, что в реальной истории попытки осуществить эту мечту оборачивались морями крови и страданий, забывается, и толпы вооруженных последователей Маркса, Ленина, Мао, Кастро снова и снова выходят на бой во всех концах планеты.

В посткоммунистической России все государственные акции, направленные на утоление человеческой страсти к сплочению, истолковываются интеллектуалом как

⁷ Толстой, Лев. Война и мир. Собр. соч. в 20 т. М., 1911, т. 7, с. 301.

корыстные манипуляции кремлевских заправил, стремящихся только к укреплению собственной власти. Ему кажется диким, что люди могут с ностальгией вспоминать страшные годы войны или правление Сталина. Пока он отрицает право человека на утоление страсти к сплочению, он будет оставаться отщепенцем, высоколобым бунтарем, изгоем.

Интеллектуал больше всего ценит талант, самобытность, смелость в разрушении канонов и штампов. Он не хочет видеть, что в глазах народной массы все эти замечательные качества попадают в разряд угроз для радости сплочения. Он клеймит тягу к сплочению словами «стадное чувство», «торжество серости», «моральная слепота», «разгул толпы» или даже «быдло».

Однако в реальной жизни он и сам ищет и находит счастье сплочения. Только в его случае это оказывается «сплочением высоколобых бунтарей». Особенно в российской истории сей феномен являет себя с поразительным упорством. Как только страна достигала стабильности после очередного революционного катаклизма, в верхних слоях общества возникали группы оппозиционеров, стремившихся к разрушению государственного порядка. Они могли кардинально отличаться друг от друга по идейным устремлениям, по методам борьбы, по объявленным целям, но все эти различия отступали перед их единодушной ненавистью к властям предрержащим.

Так, в веке XIX к свержению царизма призывали революционные демократы во главе с Герценом и Чернышевским, народовольцы, ведомые Желябовым и Перовской, анархисты, вдохновляемые Бакуниным и Кропоткиным, эсеры, подхватившие у народвольтцев знамя террора, христианский непротивленец Лев Толстой и «несгибаемый большевик» Ульянов-Ленин, ухитрившийся разглядеть в Толстом «зеркало русской революции».

В эпоху постсталинского диссидентства во второй половине века XX христианин Солженицын и коммунист Лев Копелев могли сделаться друзьями и единомышленниками, генерал Григоренко мог выступать в защиту противников вторжения в Чехословакию (1968), борцы за еврейскую эмиграцию могли находить общий язык с русскими националистами, сидевшими с ними в одном лагерном бараке.

Когда же ветры истории выносили ниспровергателей в эмиграцию, их сплоченность тут же улетучивалась. Страшные раздоры и вражда были характерными чертами жизни русской политической эмиграции первой волны (1920–1941). Диссиденты, выпущенные на Запад в 1970-х, тут же насмерть перессорились друг с другом. Оказалось, что только перед врагами по имени Политбюро и КГБ могли ощущать себя союзниками Владимир Максимов и Андрей Синявский, Василий Аksenov и Иосиф Бродский, Эдуард Кузнецов и Натан Щаранский.

Когда падение старого режима происходит в результате революционного взрыва, единодушные ниспровергателей мгновенно испаряется. Происходит то, о чем писал в своем XVI веке еще Монтень: «Те, кто расшатывают государственный строй, первыми чаще всего и гибнут при его разрушении. Плоды смуты никогда не достаются тому, кто ее вызвал; он только всколыхнул и замутил воду, а ловить рыбу будут уже другие»⁸.

И сколько уже раз история демонстрировала справедливость этого наблюдения!

Не проходит и трех лет со дня взятия Бастилии в Париже (1789), как революционеры переходят от казней аристократов и священников к казням бывших соратников, якобинцы казнят жирондистов, потом сами гибнут после Термидорианского переворота (июль 1794-го).

⁸ Montaigne, Michel. *Essays*. New York: Penguin Books, 1955, p. 282.

После Февральской революции 1917 года в России не проходит и года, как большевики начинают расправляться с ниспровергателями монархии: кадетами, эсерами, анархистами и прочими.

Точно так же после свержения германского императора в 1918 году в стране начинается политическое противоборство, завершающееся диктатурой Гитлера, отправлявшего в лагерь всех антимонархистов без разбора, а вскоре и физически уничтожившего бывших союзников — штурмовиков.

Даже после революции августа 1991 года в России в октябре 1993-го танки, посланные президентом Ельциным, стреляют по зданию Верховного Совета (Белому дому), в котором укрылись его бывшие соратники Хасбулатов, Рудкой и другие.

Политические бури второй половины XX века привели к расколу многих народов на две части: Северная и Южная Корея, Северный и Южный Вьетнам, Китай и Тайвань, Восточная Германия и Западная. В одной части восторжествовали идеи, нацеленные на укрепление позиций свободного самоутверждения, в другой — нацеленные на усиление сплоченности. И процессы подобного размежевания продолжают бурлить и сегодня в Азии, Африке, Южной Америке.

Острота противоборства между двумя выборами усугубляется тем, что в XXI веке новые десятки народов оказались перед необходимостью перехода из земледельческой стадии в индустриальную. Такой переход требует отказа от многих традиций и верований, отстаивая которые люди готовы идти на смерть. И тысячи и десятки тысяч будут готовы пожертвовать своей жизнью, если происходящие перемены покажутся им грозящими утолению их жажды сплочения.